

№ 176

О МНОГОЛИКОСТИ И ВОСТОКА, ХРИСТИАНСКОГО В ЧАСТНОСТИ

Христианство, как всем известно, но не всеми помнится, родилось на Востоке. Его исконная культура выросла на почве древнего наследия Палестины, Сирии, Месопотамии, Египта. Оттуда оно завоевало западный мир и простерло свои крылья в мир славянский, в Россию. Византия была оплотом и местом цветения первоначального восточного христианства. Оттуда шли религиозные и культурные волны в далекую Центральную Азию, Китай, Индию. Византийское наследие воплотилось в своеобразных культурах христианского Востока, некоторые из которых Эрмитаж представляет на своей новой выставке.

Закрепившееся на Западе христианство менялось все сильнее и сильнее, росли различия от Востока, превратившиеся в культурное противостояние. Эпоха крестовых походов как бы возродила исконное единство, противопоставив всех христиан мусульманскому миру. Однако она же вылилась в военный конфликт двух христианств, воплотившийся в захвате крестоносцами Константинополя. Существование в Палестине европейских феодальных государств и их взаимоотношения с местным населением разных конфессий показало, что мир вовсе не делится просто на мусульман и христиан.

Мир Ближнего и Среднего Востока, преимущественно христианский до XII в., после рождения ислама и его завоевательных походов стал миром мусульманским. Универсальная мусульманская культура стала господствующим на Востоке вариантом средиземноморской традиции. Она дала новое развитие наследию древнего и раннехристианского Востока. На протяжении нескольких веков этот вариант был ведущим в средиземноморской культуре. Он сохранил античную традицию Востока и Запада, преобразовал дух эллинистического наследия, передав его для новой переработки Европе, перенявшей эстафету культурного первенства.

Историческое единство в «горизонтальном» плане воплощалось в сосуществовании на Ближнем и Среднем Востоке культур ислама (как преобладающей) и христианства. Формы сосуществования были различны и разнообразны. Они выглядели порой как параллельное развитие различных элементов, лишь расположенных рядом, порой можно было видеть активное влияние мусульманской культуры на христианскую и наоборот. Иногда же встречаются ситуации, когда конфессиональную принадлежность памятника искусства можно определить только по надписям или ярким религиозным символам. Художественные языки, как и собственно языки христиан и мусульман на Востоке, были часто схожими или одинаковыми.

Существовало единство средиземноморской культуры, и проследить нюансы его воплощения – увлекательнейшая историко-культурная задача. Были особенности христианской и мусульманской культур, являвшиеся либо произвольными

вариантами развития единого истока, либо результатами влияния духа различных религий.

Существовало единство христианской культуры, всюду имевшее единый базовый художественный язык. Однако были и великие различия культуры западных и восточных христиан, и различия разных христианских культур Востока. Среди них есть и довольно ясные, как особенности армянской, грузинской, коптской культур. Были и такие, которые разделить очень трудно, хотя всегда есть ощущение того, что различие, воплощенное разными позициями в христологических спорах, есть и в культуре. Попытаться разобраться во всем этом – тоже одна из увлекательных научных задач. Увлеченность ею явилась одной из побудительных причин создания выставки.

Это – выставка о христианском искусстве Святой Земли в широчайшем смысле – Палестины, Сирии и Месопотамии – и вокруг нее. Святая Земля как бы собирает вокруг себя разбросанных по Востоку христиан областей, в другие времена и в других конфессиях с Палестиной несравнимых, куда более значимых, чем она. Однако для христиан Востока Палестина – центральное место, а Сирия и Месопотамия к ней примыкают. Там и в некоторых отдаленных местах, вроде оазисов Центральной Азии, христианское искусство могло сохранить некоторые особенности, которые можно считать близкими к изначальной христианской культуре. Этот тезис открыт для спора, но всякому видна простота, отличающая его от царских христианских культур Востока – столичной Византии, Грузии, Армении. Святая Земля хранила какие-то глубинные традиции. Их же сохраняли и неортодоксальные учения, по сути своей претендовавшие на изначальное, неискаженное понимание смысла христианства.

Это как бы исконное ядро христианства, оставшееся им и в условиях исламского политического и культурного доминирования. Выделение этого мира несколько излишне акцентировано выставкой в ущерб уже упоминавшейся выше реальности взаимопроникновения различных христианских и нехристианских культур. Это акцентирование сознательно призвано напомнить о том, что несколько забыто в том культурном поле, где проходит наша жизнь. Для напоминания о реальности в выставку включены некоторые вещи, христианские и мусульманские, выпадающие за рамки основного набора избранных памятников. Впрочем, критерии отбора порой довольно расплывчаты, как расплывчаты и границы в реальных культурах. Географические рамки того, что авторы выставки называют Святой Землей, тоже не очень определены, но и это отражает сложность реальной истории и религии, и культуры.

Выставка представляет памятники, созданные в общинах мелкитов, монофиситов, несториан. Уже этим она вносит

особый вклад в наше новое культурное бытие, ибо в нашей стране значительно меньше людей, чем следовало бы, знают, кто это такие.

Попытка распределить памятники христианской средневековой культуры по принципу связи их с различными течениями христианства может вызвать и вызовет множество возражений не только в принципе, но и в отношении многих конкретных вещей. Действительно, задача весьма сложна и во многих случаях невыполнима. Однако при переходе определенного рубежа массовости памятников она позволяет увидеть разные стороны не только культуры христианского Востока, но и ощутить в конкретной реальности материальное воплощение отвлеченнейших, но столь близких сердцам сотен тысяч людей богословских споров. Выставка является не дидактическим учебником, но историко-культурным исследованием, где зрителю предлагается проблема, варианты ее решения и приглашение участвовать в споре.

Выставка, как и многие наши выставки последних лет, призвана показать зрителю материалы из фондов Эрмитажа, лишь частично участвующие в постоянных экспозициях. Эти памятники рассказывают не только о культуре прошлого, но и о связях нашей страны и нашего музея со Святой Землей. В коллекциях – вещи, часто бытовые, привозившиеся русскими паломниками. В них – памятники, добывавшиеся российскими научно-религиозными миссиями в Палестине, Сирии. Наконец, тут и чудесные подарки восточных христиан российским императорам, всегда считавшимся покровителями христианских народов Востока. За этой политической идеей стоит и явная реальность – Россия была и остается единственной великой державой, имеющей тесные узы культурного родства, единство языка, культуры и искусства с восточными христианами.

Мы надеемся, что это историческое единство будет воспринято нашими зрителями и послужит дополнительным стимулом интереса и споров о выставке, которую с увлечением подготовили в совместных трудах сотрудники Отдела Востока и Отдела истории русской культуры Эрмитажа.

М.Б. Пиотровский

It is common knowledge, though forgotten by many, that Christianity was born in the East. The fountainhead of its primordial culture is the ancient heritage of Palestine, Syria, Mesopotamia and Egypt. From these lands it conquered the Western world and extended its influence over the Slavic domain into Russia. Byzantium was the stronghold of Eastern Christianity and the place where it originally flourished. From there religious and cultural incursions into Central Asia, China and India took place. This Byzantine heritage was incarnated in the unique cultures of the Christian East, some of which are represented in this Hermitage exhibition. After developing in the West, Christianity there drifted further and further apart from its counterpart in the East, which culminated in a cultural confrontation. The epoch of the Crusades seemed to restore their original unity countering all the Christians to the Muslims. However, the period of the Crusades led to a confrontation between the two Christian worlds, ending in the capture of Constantinople by the Crusaders. The existence of European feudal states in Palestine and their interrelationship with a local population, characterized by various confessional affiliations, showed that the world was not merely divided into Christians and Muslims.

The universe of the Middle East, which had been primarily Christian before the twelfth century, was transformed into a Muslim stronghold after the birth of Islam and its subsequent military conquests. The universal Islamic culture became the dominant version of the Mediterranean tradition in the East. It gave a new impetus to the ancient and early Eastern Christian cultures. This version was a bell-wether of Mediterranean culture during the course of several centuries. Islam preserved the classical tradition of the East and West, transforming the spirit of the Hellenistic heritage. It bequeathed the latter to Europe where this legacy of cultural pre-eminence underwent yet another elaboration.

Historical unity on the horizontal level was realized in the coexistence of the dominant Islamic culture with that of its Christian counterpart in the Near East. The forms of their coexistence were diverse. At times they seem to develop in parallel fashion to each other; at other times the active influence of the Islamic culture on the Christian one could be observed, and vice versa. There were also cases when the confessional affiliation of a work of art could only be defined according to inscriptions or clear religious symbols. Artistic mediums, like the languages of Christians and Muslims in the Near East, frequently resembled each other or were one and the same.

A single Mediterranean culture existed and to study the nuances of its manifestation is an interesting historico-cultural task.

Both Christianity and Islam possessed their own particularities. They were either arbitrary variants of an evolution from a single source, or the result of the influence of the spirit of diverse religions.

A common Christian culture existed possessing a universal artistic language. However, great cultural divergences remained

between Western and Eastern Christianity, as well as differences between the various Christian legacies of the Near East. Some of them, such as the Armenian, Georgian and Coptic cultures, had distinct features of their own. Others were not so easily distinguished, although the feeling remains that a disagreement, embodied in the various positions concerning the Christological disputes, also existed in the cultural realm. However, differences in Christological doctrines always found their expression in culture. To understand the matter at hand is a challenging task for researchers: such an undertaking was one of the underlying reasons for the present exhibition.

This comprises an exhibit on the Christian culture of the Holy Land in its broadest sense, embracing Palestine, Syria and Mesopotamia, as well as the adjoining territories. The Holy Land attracts Christians who are dispersed throughout the Near East; during other periods various religions possessed an immeasurably greater degree of importance in Palestine. However, for Eastern Christians Palestine is a religious center while Syria and Mesopotamia are mere appendages. In the latter region, as well as in some other remote parts of the East, such as the Central Asian oases, Christian art was able to preserve some of its particularities, which can be considered to be close to the original Christian culture. This is a contentious issue but the simplicity of this art form is manifest to everyone. Such an attribute distinguishes it from the imperial Christian cultures of Byzantium, Georgia and Armenia. The Holy Land has safeguarded some ancient traditions. Non-Orthodox doctrines also preserved them; in essence they claimed to possess an original, undistorted understanding of the essence of Christianity.

It is the primordial nucleus of Christianity which survived under Islamic political and cultural domination. This world is given precedence here to the detriment of the above-mentioned reality suffused with diverse Christian and non-Christian cultures. This emphasis has been consciously effected to remind the public about those forgotten aspects pertaining to the cultural realm of our daily lives. For this purpose the exhibition includes several Christian and Muslim works which do not answer to the selection criteria. But at times the standards are rather vague, in the same way as the boundaries of different cultures remain nebulous. The geographical delimitations of what the exhibition organizers call the Holy Land are also equivocal: this reflects the complexity of real history, religion and culture.

The exhibition displays works from the communities of the Melchites, Monophysites and Nestorians thus making a valuable contribution to our new cultural reality as fewer members of the public than should be the case are aware of these communities.

The attempt to arrange exhibits from the Christian medieval culture according to the principle of their associations with different currents of Christianity may arouse a manifold protest, not only in principle, but in relation to many particular cases.

The task is very complicated, often an impossible one, but such a classification helps us not only to see different facets of the Christian culture of the East. It also helps us to perceive the material incarnation of abstract theological disputes, which, notwithstanding their abstruseness, remain close to the hearts of thousands of people. The exhibition therefore is not an exercise in didacticism, but comprises historical and cultural research. The public is presented with the problem, various solutions are put forth, and the spectator is invited to participate in the discussion.

This exhibit, like many of our exhibitions of recent years, is committed to showing the public material from the Hermitage reserves, with only a part of the exhibits on permanent display. The works exhibited represent not only the culture of the past, but also the links of this country, and the Hermitage in particular, with the Holy Land. The exhibition includes objects of everyday use brought by Russian pilgrims from the Holy Land and those found by Russian scientific expeditions and religious missions in Palestine and Syria. It also includes marvellous gifts presented by the Eastern Christians to Russian emperors who were considered patrons of the Christian peoples of the East. This political idea is still a contemporary one because Russia has consistently, down to the present, been the only great power possessing cultural propinquity with the Eastern Christians and sharing in their cultural and artistic unity.

We hope that this historical unity will be understood and that the exhibit will serve to arouse further interest and debate among the public. This presentation was organized by the common enthusiastic efforts of the staff of two Hermitage departments – the Department of the Art and Culture of the Peoples of the East and the Department of the History of Russian Culture.

Mikhail Piotrovsky